

они, суть основные, существенные. А между тем они же указывали как на движущие общественные противоречия и на противоречия классов, то-есть на иные противоречия. Нет-ли здесь, в свою очередь, какого-либо противоречия и при том противоречия безысходного?

Нет. Ведь историю делают люди. И противоречия разрешают тоже они. Противоречия между производительными силами и производственными отношениями существуют как противоречия между людьми, которые людьми же и разрешаются. Что значит, например, выражение — „производственные отношения служат оковами для развития производительных сил“? Это значит, что какой-то слой общества (скажем, помещики), представляя старые производственные отношения, всячески препятствует возникновению новых отношений, тормозит их развитие, если они уже появились, и т. д. А другой общественный слой (скажем, рабочие и крестьяне), будучи непосредственным производителем и, таким образом, частью производительных сил, выражает свое возмущение против сковывающих его имущественных отношений, борется и в конце-концов ломает старые производственные отношения и охраняющий их политический строй.

„Старые производственные отношения служат оковами новых производительных сил“. В капиталистическом обществе наглядным примером этого может служить кризис. Кризис, — говорили Маркс и Энгельс, — есть очевидный показатель возмущения современных производительных сил против современных производственных отношений. Он есть показатель систематического уничтожения не только изготовленных продуктов, но и части производительных сил. Но ведь кризис больше всего и наиболее всего бьет опять-таки по непосредственным производителям: они выбрасываются на улицу, они голодают, они терпят главные бедствия и т. д. Это неизбежно обостряет классовую борьбу. И в этой борьбе рабочий класс выступает представителем возмущения производительных сил против сковывающих их буржуазных производственных отношений. Таким же представителем выступает он, и когда борется против империалистической войны, которая хищнически истребляет производительные силы, и в первую очередь и главным образом сам рабочий класс.

„Революция есть локомотив истории“. Но революция и есть как-раз форма разрешения конфликта между про-

изводительными силами и производственными отношениями. Революция ломает старые производственные отношения, служащие препятствием развитию производительных сил, и устанавливает новые, служащие формой их дальнейшего и невиданного еще развития. Совершая революцию, рабочий класс освобождает производительные силы (а значит и самого себя) от сковывающих, разрушающих эти силы старых производственных отношений. Поэтому-то Маркс и говорил, что важнейшей производительной силой является сам революционный класс. А „организация революционных элементов в класс уже заранее предполагает существование всех тех производительных сил, которые могли зародиться в недрах старого общества“.

Итак — противоречия между производительными силами и производственными отношениями выражаются в противоречиях между классами. Или, иначе говоря, — классовая борьба есть исторически преходящее выражение противоречий между производительными силами и производственными отношениями. Энгельс писал:

„Противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением проявляется в форме антагонизма между пролетариатом и буржуазией“

(Анти-Дюринг, стр. 253 — 256).

А ведь противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения и есть как раз противоречие между производительными силами и производственными отношениями капиталистического общества.

Мы выше подчеркнули, что классовая борьба есть исторически преходящее выражение противоречий между производительными силами и производственными отношениями. Что означает подчеркнутое выражение? А то, что не всегда противоречия между производительными силами и производственными отношениями выражались и не всегда будут выражаться в форме классовой борьбы. Необходимо видеть различие между антагонистическими и неантагонистическими противоречиями. Так вот антагонистические противоречия между производительными силами и производственными отношениями выражаются в антагонизме классов. Иначе говоря — только в антагонистических общественных формах противоречия между производительными силами и производственными отношениями существуют и развиваются, творения классов-антагонистов.

В антагонистических обществах непосредственные производители отделены от решающих средств и условий производства. Их соединение происходит или путем прямого насилия (рабство), или путем насилия косвенного — купли-продажи рабочей силы (капитализм). Классовая борьба и ведется поэтому или 1) за изменение только лишь **формы** эксплуатации, то есть за изменение способа соединения рабочей силы и средств производства. Это — борьба капиталистов с феодалами, или 2) за уничтожение всякой возможности эксплуатац и человека человеком, за воссоединение рабочей силы со средствами производства. Это борьба рабочих с капиталистами.

И первое и второе означает борьбу за **новый способ** производства, за изменение старых производственных отношений в интересах дальнейшего развития производительных сил. В этой борьбе реакционные классы отстаивают всеми имеющимися в их руках средствами старый способ производства. Революционные же классы борются 1) или за уничтожение преград развитию уже появившегося нового способа производства (буржуазные революции 17, 18, 19 веков) 2) или за революционное создание еще не существовавшего нового способа производства (революция социалистическая).

В начале главы мы указывали, что бывали в истории моменты, когда классовая борьба приводила ко взаимному уничтожению обоих борющихся классов. Это могло быть в том случае, когда угнетенный класс, борясь против эксплуатации, не мог однако создать другого более высокого способа производства. Общественное развитие заходило тогда в тупик. Так было с рабовладельческими обществами. Рабы могли разрушить крупные поместья и весь рабовладельческий строй и вернуться к тому строю, от которого оторвало их рабство. Но создать более передовой, нежели рабство, способ производства, который бы использовал и двинул вперед все, иногда весьма сложные производительные силы, рабы не могли. Это и приводило к указанному выше результату.

Капитализм всем ходом своего развития создает, растит, спланирует и организует ту силу, которая должна его же и уничтожить. Но эта сила, уничтожая капитализм, создает одновременно и новый, несравненно более высокий способ производства. Эта сила — пролетариат. Новый способ производства — социализм. Пролетариат — могильщик капитализма и строитель социализма.

„Прогресс промышленности, безвольным и пассивным носителем которого является буржуазия, ставит на место разъединения рабочих посредством конкуренции, революционное объединение посредством ассоциации. С развитием крупной промышленности вырывается следовательно из под ног буржуазии то самое основание, на котором она производит и „присваивает“ себе продукты. Она производит, прежде всего своих собственных могильщиков. Ее поражение и победа пролетариата одинаково неизбежны“.

(Комманифест).

В одном из революционных воспоминаний сказано, что царское правительство, громя рабочее движение по частям, было не в силах уничтожить его в целом. Почему? Да потому, что царское правительство, громя рабочее движение, этим самым отстаивало капиталистический способ производства, который как раз и порождает само это движение. Т. е., иначе говоря, царизм, охраняя причину, обрушивался на ее неизбежное следствие.

2. Основное В каких бы конкретных формах ни происхождение дило возникновение классов, всегда и везде и уничтожении оно было связано с одним и тем же — раз-классов. общением производителей и средств производства. Возникновение классов рабовладельческого, феодалного и капиталистического строя сопровождалось всегда отделением непосредственных производителей от решающих средств и условий труда. Монополизировал ли землю феодал, разорял ли грубой физической силой мелкого собственника ранний капиталист, или мелкое ремесло „мирно“ гибло в неравной конкурентной борьбе с крупным капиталом, — всюду происходила концентрация средств и условий производства на одной стороне при полной или частичной лишенности их стороны другой.

Но при отделенности производителей от средств производства невозможно ведь производство. Для производства нужно их соединение. Это соединение на время производства и осуществляет класс, владеющий средствами производства. Он соединяет рабочую силу со средствами производства или путем прямого принуждения (рабство), или принуждения косвенного (наем). Тип этого соединения, тип отношений собственников средств производства к непосредственным производителям, и отличает один антагонистический способ производства от другого.

На III-м Всероссийском съезде РКСМ Ленин говорил:

„А что такое классы вообще? Это то, что позволяет одной части общества присваивать себе труд другого. Если одна часть общества присваивает себе всю землю, мы имеем класс помещиков и крестьян. Если одна часть общества имеет фабрики и заводы, имеет акции и капиталы, а другая работает на этих фабриках, мы имеем класс капиталистов и пролетариев“ (т. XXV, стр. 391).

Эксплуатируемым классом становились и военнопленные, и члены той же общины, и разорившиеся ремесленники, и крестьяне. Господствующим классом становились и вчерашние слуги общества — должностные лица общины, выполнявшие функции общественного управления, регулирования водоснабжения, военной защиты и т. д., и вчерашние цеховые мастера, и торговые посредники и т. д. Возвышение одного слоя на ступень классового господства над остальным обществом происходило и кроваво-бурно, и относительно мирно. Энгельс говорил, что физическое насилие и хитрость играли при этом далеко не последнюю роль. Но они служили в деле рождения классового общества только средством, или, как выражался Маркс, только акушеркой.

Классы — „это то, что позволяет одной части общества присваивать себе труд другой“. А позволяет конечно в первую очередь и главным образом сосредоточение в руках одной части общества собственности на землю, воду, средства труда и т. д. Без помощи физического насилия этого не произведешь или во всяком случае не удержишь орудий эксплуатации. Но одно насилие не может породить этой эксплуатации. Эксплоатация есть присвоение прибавочного продукта. Для того же, чтобы присваивать прибавочный продукт в определенной форме (скажем, феодальной или капиталистической), нужен определенный уровень производственного развития. Для того, чтобы возникло классовое деление общества, требуется известная ступень развития производительных сил, такая ступень, при которой непосредственный производитель мог бы создать своим трудом некоторый излишек сверх удовлетворения своих самых насущных потребностей, сверх, так сказать, своего хотя бы и нищенского прожиточного минимума, который различен в различные времена и в различных странах. Переход от одной формы эксплуатации к другой объясняется, в конечном счете, ростом производительных сил. „Насилие служило хозяйственным целям“.

Некоторые буржуазные исследователи классовообразования, и в их числе теперь шире престарелый Карл Каутский, склонны считать насилие не акушеркой, а самой матерью. Каутский, отрицавший и отрицающий необходимость и силы для социалистического переворота, и призывающий к вооруженному насилию для свержения власти в стране, всопившей в период сциализма, видит в вооруженном насилии основную причину происхождения классового общества. Своей теорией происхождения классов через внешнее насилие Каутский возрождает похороненное еще Ф. Энгельсом учение философа Евгения Дюринга. Каутский, вслед за Дюрингом и рядом современных буржуазных социологов, утверждает о том, что внешнее завоевание одного племени другим было основной, если не единственной причиной появления классов.

А это значит за видимостью проглядеть существо дела, проглядеть процесс роста производительных сил, процесс общественного разделения труда, появление обмена и частной собственности и создание тем самым экономической основы для деления производителей от средств производства в целях эксплуатации. Энгельс долго и терпеливо вразумлял дюрингианцев своего времени, что само насилие не может создать классов, что для их появления нужны более основательные внутренние экономические процессы в обществах, и что поэтому не внешние силы, а силы внутренние надо брать за исходный пункт исследования классовообразования. Были конечно завоевания одного племени другим. Но при этих завоеваниях, во-первых, не все племя-завоеватель становилось господствующим классом, а во-вторых, чтобы завоеванные могли стать предметом эксплуатации, нужна была определенная ступень экономического развития.

Энгельс указывал, что классовое деление общества объясняется, с другой стороны, и относительной недостаточностью развития производительности труда. Ведь для уничтожения классов и осуществления коммунистического удовлетворения по потребностям нужна высокая ступень развития производительных сил. Преодолеть различие между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, преодолеть неравенство в общественном распределении и добиться не формального, а действительно равного распределения, т. е. удовлетворения по потребностям, можно только на определенном уровне развития производительных сил. Довершая построение фундамента социалистической экономики, мы создаем тем самым производственную основу и для уничтожения общественного разделения труда и его следствий, в виде неравенства между городом и деревней, отделения умственного труда от физического, неравенства в распределении и т. д. Уничтожение этих остатков старого строя займет всю первую фазу коммунистического общества.

Мы говорим об „общественном разделении труда“ потому, что это разделение служило всегда предпосылкой образования классов. Так предпосылкой для образования классов капиталистического общества послужил процесс обособления обрабатывающей промышленности от сельского хозяйства,

процесс отделения ремесла от земледелия, сосредоточение этого ремесла в городе, завоевание ремесленно-купечески-мануфактурным городом через борьбу своей самостоятельности и наконец, экономическое, а затем и политическое подчинение капиталистическому городу более отсталой деревни. Вот почему в задачу построения социализма входит уничтожение общественного разделения труда и в частности уничтожение в основном противоположности между городом и деревней, и умственным трудом и физическим.

Возникает неизбежно вопрос: а был ли прогрессивным переход от доклассового к классовому обществу? Мелкобуржуазные утописты, крайне прикрашивая, идеализируя первобытные патриархально-коммунистические отношения, считали каким-то грехопадением, провалом, временным отклонением, несчастной случайностью переход от бесклассового „гармонического“ (по их выражению) общества к обществу классовому, антагонистическому. Основатели научного коммунизма — эти страстные обличители всякого рода эксплуатации, эти борцы за действительное уничтожение классов — тем не менее считали, что переход от коммунистической общности к антагонистическому обществу был явлением прогрессивным, был шагом вперед в развитии общества.

Энгельс писал:

„Раз заговорили об этом предмете мы должны сказать — какой бы ересью и каким бы противоречием ни показались наши слова, — при тогдашних условиях введение рабства было большим шагом вперед“

То же утверждал и Маркс:

„В общих чертах азиатский, античный, феодальный и современный буржуазные способы производства могут быть установлены как прогрессивные эпохи экономической формации общества“.

Ленин, борясь с народниками, идеализировавшими крестьянскую общину и сокрушавшимися по поводу начавшегося процесса капиталистического расслоения ее и вообще роста капиталистического развития в России, ломавшего старые патриархальные отношения, говорил, что мы должны жалеть не о развитии капитализма, а о недостаточности этого развития. В 1904-5 г. партия большевиков вела пролетариат к руководству крестьянством в буржуазно-демократической революции. А ведь эта революция открывала как будто больший, нежели прежде, простор развитию

капиталистических производственных отношений, т. е. как раз тех отношений, которые непосредственно гнетут пролетариат.

Как объяснить все это?

1) Первобытно-коммунистические отношения были выражением крайней производственной слабости человека. На определенной ступени производственного развития, они стали стеснять самое это развитие. При переходе к скотоводству и земледелию, и особенно их соединению, в тогдашних условиях стала более производительной работа не общиной, а большими семьями. Общины стали дробиться на семьи — эти первичные ячейки частной собственности. Появился и развивался обмен. Росло и углублялось общественное разделение труда. А это с необходимостью вело к образованию классов. При тогдашнем уровне развития производительных сил прогрессивное производственное использование незначительного прибавочного продукта могло быть только в форме классовых отношений.

Ф. Энгельс в „Анти-Дюринге“ разъясняет это таким образом:

„Рабство создало возможность более широкого разделения труда между земледелием и промышленностью и, благодаря ему, расцвета древнегреческого мира. Без рабства не было бы греческого государства, греческого искусства и науки; без рабства не было бы и Рима. А без основания, заложенного Грецией и Римом, не было бы и современной Европы. Мы не должны забывать, что все наше экономическое, политическое и умственное развитие вытекло из такого предварительного состояния, при котором рабство было настолько же необходимо, как и общепризнано. В этом смысле мы имеем право сказать, что без античного рабства не было бы и современного социализма“.

„...пока человеческий труд был так мало производителен, что доставлял лишь небольшой излишек сверх безусловно необходимых человеку средств существования, увеличение производительных сил, расширение торговли, развитие государства и права, начало искусств и наук были возможны не иначе, как при усиленном разделении труда, в основу которого должно было лечь великое разделение труда между массами, поглощенными простой физической работой, и немногими привилегированными, управлявшими трудом, занимавшимися торговлей, государственными делами, а позже искусствами и науками. Простейшей, естественно выросшей формой такого разделения труда было именно рабство. При исторических условиях древнего, в частности греческого мира, переход к общественности, основанной на классовой противоположности, мог совершиться только в форме рабства. Даже для рабов это было прогрессом: военнопленные, из которых они по преимуществу набирались, сохраняли теперь, по крайней мере, жизнь, тогда как „прежде их убивали, а еще раньше даже поедали“.

(См. также ответ на 15-й вопрос в „Принципах коммунизма“ Энгельса).

2) Итак, переход от доклассового общества к обществу классовому был явлением прогрессивным. Прогрессивными были и переходы в пределах самого классового общества, переходы от одного антагонистического способа производства к другому. Бесспорно прогрессивным был например переход от феодализма к капитализму.

„Буржуазия играла в истории в высшей степени революционную роль“.

„Менее чем за сто лет своего господства буржуазия создала более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения вместе взятые“. (Комманифест).

Капитализм создал паровой, морской и сухопутный транспорт, телеграф, телефон, электричество, крупнейшие предприятия, работающие на мировом рынке, применил химию к земледелию и промышленности, расширил и углубил экономические связи, сломил местную замкнутость и „плоды умственной деятельности отдельных наций сделал достоянием других“ и т. д. и т. п.

Само собою разумеется, что эта „революционная роль“ буржуазией давно уже сыграна. „Капитализм, — писал Ленин, — прогрессивен, ибо уничтожает старые способы производства и развивает производительные силы, и в то же время на известной ступени развития он задерживает рост производительных сил, он развивает, организует, дисциплинирует рабочих, и он их давит, угнетает, ведет к вырождению, нищете и т. д.“ (т. XV, ч. 1, стр. 135). На этой ступень капитализм давно уже вступил. Современный капитализм — реакционен, он — капитализм загнивающий.

В том же „Комманифесте“, т. е. еще в 1847 году, Маркс и Энгельс писали, что „все более и более делается очевидным, что буржуазия неспособна оставаться господствующим классом и возводить условия своего существования в норму, регулирующую весь общественный строй“. Буржуазный способ производства стал из прогрессивного реакционным. Необходимым, возможным, прогрессивным и неизбежным стал переход к социалистическому бесклассовому обществу, к обществу коммунистическому. В СССР, осуществляющем этот переход, наглядно доказывается прогрессивность социалистического способа производства.

То, что мы с относительно отсталым уровнем производительных сил, взялись в 10 лет догнать и перегнать капиталистические страны в технико-экономическом отношении и успешно осуществляем это, доказывает прогрессивность социализма и реакционность капитализма. Рост производства текущего года пятилетки равен всему довоенному производству России. То-есть, за один год страна, вступившая в период социализма, создает столько производительных сил, сколько было создано

всеми предшествующими поколениями вместе взятыми. А какие возможности таят в себе производительные силы капитализма, замурованные и разрушаемые капиталистическими отношениями!

3. Марксисты руководят борьбой за освобождение рабочего класса из-под гнета капитализма. Но освобождение рабочего класса невозможно иначе, как через развитие того же капитализма.¹ В росте капитализма — залог победы над ним — писал Ленин Горькому в 1911 году.

Но капитализм капитализму рознь. В России был возможен, по выражению Ленина, капитализм двух сортов — первого сорта и второго. Первый — черносотенно-октябристский капитализм. Это — капитализм, сложившийся еще в недрах феодально-крепостнической формации, сросшийся с ней и пользовавшийся крепостническими методами эксплуатации. Второй — капитализм западноевропейского типа.

Утверждая, что рост капитализма приближает и обеспечивает победу рабочего класса, большевики не проповедывали однако необходимости приостановить, смягчить, свернуть классовую борьбу пролетариата в интересах беспрепятственного роста капитализма. Наоборот. Они руководили классовыми боями пролетариата, поднимали его на новые, все более и более серьезные бои, организовывали, просвещали пролетариат, „обличали перед рабочими капитализм“. Организация пролетариата и его классовая борьба против капиталистов вовсе не задерживала развития капитализма, как это пытались изобразить агенты капитализма в рабочем движении. Эта борьба, наоборот, ускорила капиталистическое развитие, превращая капитализм октябристский в капитализм западноевропейского типа. „А это... пролетариату на руку“ (Ленин).

Возглавляя буржуазно-демократическую революцию, пролетариат не добивался еще этим немедленной ликвидации капиталистической собственности вообще и строя частной собственности (хотя, поскольку помещичьи земли были заложены и перезаложены в буржуазных банках, он в эту собственность частично уже вторгнулся немедленно). Капиталистическое развитие города и особенно деревни крайне ускорялось в результате этой революции.

¹ Но ведь возможно некапиталистическое развитие отсталых стран, стоящих в основном на докапиталистической ступени развития. Возможен ведь непосредственный переход отсталых колониальных стран, сбросивших империалистический гнет, переход прямо к социалистическому развитию? Да, возможен, но при наличии помощи со стороны страны победившего пролетариата, т. е. при наличии СССР.